

УДК 37.014 + 373.545 + 37.011.31-051 + 37.011.32-052

А. М. Сафронова
О. С. Кравченко

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЦИФИРНЫХ ШКОЛАХ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
(по материалам Полного собрания законов Российской империи)**

В статье анализируются нормы именных указов и указов Сената, регламентировавших основы организации нового вида начальных учебных заведений России, цифирных (арифметических) школ, созданных по инициативе Петра I в 1714 г. и сыгравших определенную роль в распространении основ математических знаний среди населения. Раскрываются причины появления тех или иных указов, выявляются их инициаторы, прослеживается изменение норм, регулирующих основы организации школ, делаются наблюдения над структурой законодательных актов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: законодательство; цифирные школы; учителя; состав учащихся.

В первой четверти XVIII в. в России была сделана попытка создания нового вида светских общеобразовательных школ, предназначенных для начального обучения детей всех сословий, вошедших в историю под названием «цифирные». Ни один из исследователей истории школ XVIII в., да и истории России этого периода, не мог обойти их своим вниманием. И, как правило, цитировалось содержание законодательных актов о них, но не предпринималось попыток проанализировать эти законодательные акты в качестве исторических источников, в первую очередь с точки зрения того, почему государственная власть решила организовать эти школы, насколько она была внимательна к регулированию их

деятельности, какие стороны их организации подвергались регламентации, каковы были ее результаты. Эти вопросы мы и попытаемся осветить в настоящей статье.

Прежде всего, отметим, что в ПСЗ опубликовано 10 актов, напрямую затрагивающих их организацию, все они имеют форму указов, из них 6 именных, 4 сенатских. Большинство указов (7 из 10) относится к периоду царствования Петра I, из них 4 именных (от 20 января и 28 февраля 1714 г., от 28 декабря 1715 г., от 18 января 1716 г.), 3 сенатских. По одному именному указу появилось в царствование Екатерины I (31 октября 1726 г.) и Анны Иоанновны (21 июня 1731 г.). При Елизавете Петровне вышел один указ Сената от 26 октября 1744 г. о соединении цифирных школ и гарнизонных.

Таким образом, сама численность указов свидетельствует: наибольшая активность в их издании наблюдалась в царствование Петра I, что не удивительно, ведь цифирные школы как особый вид начальных учебных заведений являлись его детищем. Среди именных указов Петра I два были даны Сенату, три объявлены из Сената; именной указ Екатерины I от 31 октября 1726 г. был объявлен из Верховного Тайного Совета.

Большинство указов специально посвящались цифирным школам, два затрагивали и другие вопросы, к ним не относящиеся. Так, самый первый, знаменитый указ Петра I о цифирных школах, данный Сенату 20 января 1714 г., о котором знают и современные школьники, одновременно касался использования медных денег и выборов ландратов [ПСЗ-1, т. 5, № 2762]. Нормы указа Екатерины I «О соединении духовных и гражданских школ под ведение Синода», объявленного 31 октября 1726 г. из Верховного Тайного Совета, распространяли свое действие как на цифирные, так и на архиерейские школы. Сенатский указ от 26 октября 1744 г. регламентировал одновременно организацию цифирных и гарнизонных школ [ПСЗ-1, т. 7, № 4975; т. 9, № 9054].

Кроме того на деятельность цифирных школ, точнее сказать, на состав их учащихся, прямое влияние оказали 5 законодательных актов, регламентировавших организацию другого вида начальных школ, принадлежавших духовному ведомству — архиерейских. Духовный регламент 1721 г., согласно которому Синод должен был открывать эти учебные заведения для обучения детей священно- и церковнослужителей, предопределил сужение социального состава цифирных школ в ближайшем будущем [ПСЗ-1, т. 6, № 3718]. Четыре акта: высочайшая резолюция на докладные пункты Синода от 19 ноября 1721 г., указы 1722 г. (Синода от 31 мая и 30 ноября; Сената от 8 октября), по сути, запретили обучение детей духовного сословия в цифирных школах и объявили обязательность их поступления в архиерейские [Там же, № 3854, 4021, 4126, 4105].

Следует отметить, что первые законодательные акты, касающиеся организации цифирных школ, — 4 именных указа Петра I за 1714–1716 гг. — очень лаконичные, последующие же указы Сената 1719–1720 гг., дополняющие и изменяющие нормы петровских законов, становятся более объемными, как и именной указ 1726 и сенатский 1744 гг., затрагивающие вопросы управления школами, объединения цифирных школ то с архиерейскими под ведением

Синода, то с гарнизонными. В преамбулах указов начинают передаваться с разной степенью подробности, а порой подробно, почти под копирку, нормы предшествующих указов, что позволяет судить о степени полноты их включения в Полное собрание законов Российской империи. В указах, начиная с 1719 г., стало передаваться содержание поступавших в центральные и высшие учреждения доношений с мест, благодаря чему оказалось возможным понять причины появления тех или иных норм.

Инициатором открытия цифирных школ стал сам Петр I, он издал 4 именных указа, посвященных регламентации их деятельности. Первый указ был подписан царем 20 января 1714 г., он адресовался Сенату и касался не только школ [ПСЗ-1, т. 5, № 2762]. Два первых предложения в нем посвящались открытию цифирных школ, два последующих запрещали делать медные деньги и предписывали выбирать ландратов всеми дворянами. Последняя фраза указа — «О первенстве» — не имеет никакой связи с предшествующим текстом, должна была являться началом какого-то нового распоряжения царя. Наличие этой фразы позволяет предположить, что текст указа диктовался царем или даже писался им самим, но остался незавершенным.

В отношении школ предписывалось: «Послать во все губернии по несколько человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцов, приказного чина цыфири и геометрии, и положить штраф такой, что неволью будет жениться пока сего выучится. И для того о том к архиереям о сем, дабы памятей венчальных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны» [Там же].

Удивительно, как точно были определены в этом первом указе, несмотря на лаконизм фраз, всего в четырех предложениях, все основные моменты организации нового вида школ.

1. Они должны были открываться по всей России — учителей приказывалось разослать «во все губернии по несколько человек». Поскольку губерний в это время было 8, число предполагаемых школ могло достичь нескольких десятков.

2. Учиться в цифирных школах должны были дети дворян, кроме однодворцев, и приказного чина.

3. Предметы преподавания ограничивались цифирью и геометрией.

4. Учителя должны были рассылаться из Москвы, из «математических школ», под которыми подразумевалась Московская школа навигацких наук, для учащихся которой Л. Магницкий написал знаменитую «Арифметику». По ней и в других школах страны стали постигать эту науку.

Обратим внимание на стремление законодателя объявить обучение арифметике и геометрии строго обязательным для двух социальных категорий детей — дворян и подьячих — вплоть до запрета им жениться до окончания обучения. Предлагался и своеобразный механизм контроля за обучением — невыдача венчальных памятей.

Само появление этого указа, стремление верховной власти обучать в цифирных школах именно этот, достаточно узкий контингент учащихся, не случайно. В условиях проведения широких реформ, бюрократизации государственного

аппарата, развития внутренней и внешней торговли знание основ математики в первую очередь этими слоями населения удовлетворяло жизненным интересам государства. Дворянам оно должно было открыть путь к следующей ступени обучения в специальных школах, как и приказным, заложить основы знаний, необходимых для государственной службы в многочисленных канцеляриях и конторах, бурный рост которых стал отличительной чертой того времени.

Уже через месяц, 28 февраля 1714 г., появился второй именной указ, объявленный из Сената [ПСЗ-1, т. 5, № 2778]. В нем чуть подробнее расписывался состав школьничков — учить «дворянских и приказнаго чина, дьячих и подьяческих детей», впервые устанавливался их возраст — «от 10 до 15 лет», впервые решался вопрос с помещениями — предписывалось «в архиерейских домах и в монастырях отвести им школы». Определялось и жалованье учителям — «давать кормовых по 3 алтына и 2 деньги на день», источник этих средств — «из губернских доходов».

Учителям запрещалось брать плату за обучение: «а с тех учеников им себе отнюдь ничего не иметь». Предполагалась и выдача документа об окончании школы — «а как ту науку те их ученики выучат совершенно: и в то время давать им свидетельствованныя письма за своею рукою». Вот тогда учителям разрешалось взять и разовую плату с учеников: «за то учение имать им себе по рублю с человека». Только при наличии этих «свидетельствованных писем» позволялось архиереям давать разрешение на женитьбу — они должны были открывать дорогу к началу семейной жизни детям дворян и приказных.

По прошествии почти двух лет с момента издания первого указа именным указом, данным Сенату 28 декабря 1715 г., предписывалось: «Взять из школы от господина адмирала таких, которые географию и геометрию выучили и послать во всякую губернию по два человека, для науки молодых ребяток изо всяких чинов людей» [Там же, № 2971]. Этот третий именной указ — самый лаконичный, состоит буквально из одного предложения, второй пункт указа снова посвящен строительству домов в столице для сдачи их внаем. Под господином адмиралом подразумевался Федор Матвеевич Апраксин, глава Адмиралтейской канцелярии, в ведении которой находилась Московская школа навигаторов. Судя по этому указу, должна была состояться еще одна рассылка учащихся этой школы в губернии для открытия новых цифирных школ. Причем впервые устанавливалось точное их число — по два человека, а не «по нескольку», как в 1714 г. Если учесть, что из 8 губерний, учрежденных в 1708 г., в 1713 г. перестала существовать Смоленская, но одновременно появилась Рижская, а затем из состава Казанской выделилась Нижегородская [см.: Там же, № 2703; Доклады и приговоры, № 87], то из Москвы должны были отправиться на места еще по меньшей мере 16 человек (вряд ли учителей отправляли в Рижскую губернию). Примечательна оговорка, что эти будущие учителя должны были владеть географией и геометрией.

В именном указе, объявленном из Сената 18 января 1716 г., кратко передана суть двух предшествующих указов о рассылке в губернии учителей, при этом мимоходом, без объяснения причин, в перечне их учащихся появилась оговорка: «окроме дворянских детей». Исключение их из числа учеников цифирных школ

объяснялось, видимо, тем, что власть сделала ставку на привлечение детей дворянства в новые специальные школы: в Московской инженерной школе, действовавшей с 1703 г., по именному указу от 16 января 1712 г. полагалось иметь комплект «100 человек или 150, из которых чтоб две трети, или по нужде были из дворянских детей» [ПСЗ-1, т. 4, № 2467]. В 1715 г. в столице открылась Морская академия, которую предполагалось в будущем сделать привилегированным учебным заведением для дворян. Отмечалось, что предыдущие указы были направлены как к адмиралу Апраксину, так и к губернаторам. Апраксину предписывалось «оных учителей на Москве из Адмиралтейской канцелярии отослать в Канцелярию Сенатского правления», а ей разослать по губерниям [ПСЗ-1, т. 5, № 2979].

Указ, изданный Сенатом 6 ноября 1719 г., имел конкретного адресата — «данный боярину Салтыкову» [Там же, № 3447]. По-видимому, имелся в виду Петр Самойлович Салтыков, назначенный главой Смоленской губернии в 1708 г. [см.: Соловьев, с. 338]. В преамбуле указа кратко передана суть доношения, поступившего в Сенат от полковника Г. Г. Скорнякова-Писарева, в непосредственном ведении которого в Санкт-Петербургской губернии находились цифирные школы Псковская, Новгородская и Ярославская; также упомянуто о доношении в Сенат Московской и Вологодской школ навигаторов. Скорняков-Писарев сообщал: «во оныя де школы учеников во учении в высылке было только во одну Ярославскую, из церковников 26 человек, а в прочия школы и ничего учеников в высылке не было и о том бы указ учинить».

В связи с малым числом учащихся в цифирных школах столичной губернии указ Сената предписывал: «из провинций в те школы определять оных [учеников], не упуская времени», мотивируя тем, чтобы «за невысылкою... определенные учителя без дела не были и даром жалованья не брали». Более подробно перечислялся и состав подлежащих высылке в школы детей: «приказнаго чина дьячих, подьяческих, посадских, церковниковых, монастырских слуг, и прочих чинов людей, oprичь дворянских детей». Ясно, что дополнительно к детям приказных людей учащимися цифирных школах должны были стать дети посадских людей, церковнослужителей и монастырских слуг — низшего слоя духовного сословия.

При этом Сенат повелел: «смотреть и за учителями, дабы от них тем ученикам в принимании, и в обучении продолжения, и обид и налог никаких никому не было». Салтыкову как губернатору предписывалось отчитаться о своих действиях в отношении отправки детей в школы: «а какого числа сей указ получите и что по тому указу чиниться будет, о том писать в Сенат». При этом делалась ссылка на именной указ от 19 марта 1719 г., не относящийся к цифирным школам: им вводилось «ответствование» на указы, посылаемые в губернии из Сената и коллегий [ПСЗ-1, т. 5, № 3333].

Составители ПСЗ включили в состав издания указ от 6 ноября 1719 г., адресованный конкретному лицу — Салтыкову, между тем подобные же указы рассылались и всем другим губернаторам и главам провинций, о чем сообщалось в следующем указе от 30 апреля 1720 г.: «в указах из Сената ноября 6 числа в губернии и в провинции в обороте в подтверждение написано, чтоб для того учения из губерний и из провинций в определенные школы высылать посадских,

церковниковых, монастырских слуг и прочих чинов людей (опричь дворянских детей) неотменно» [ПСЗ-1, т. 6, № 3575].

Указ от 30 апреля 1720 г., касавшийся цифирных школ, в ПСЗ неверно определен как именной, составители издания не вникли в его содержание: результативной части указа предшествует формула: «*И по Государеву указу в Сенате определено...*» (курсив наш. — А. С., О. К.). Правда, в конце текста упоминается: «да и против именнаго Его Великаго Государя указу в таком учении, которые возмутся у других чинов людей, обретатися учеников будет довольные число». Эта фраза, видимо, и послужила поводом к неверному определению авторства указа, но она относится к предшествующим законам.

В этом указе Сената приведено содержание доношения учителей-навигаторов Новгородской и Ярославской школ, поступившего в Сенат 28 октября 1719 г., о котором только вскользь упомянуто в предшествующем указе от 6 ноября 1719 г. Видимо, делопроизводители отвлеклись и запамятовали сделать из него выписки в дополнение к доношению Скорнякова-Писарева. Учителя жаловались, что в указах «опричь дьячьих и подьяческих детей, других всякаго чина людей, о детях порознь не означено» и просили: «дабы о высылке их в провинции в подтвердительных указах чины, дьячьих и приказных, посадских, церковниковых, монастырских и прочих чинов написать именно, чтоб никто в том не отговаривались». Становится очевидным, что предшествующий указ Сената, расширивший состав учащихся цифирных школ, был издан по инициативе этих учителей — дополнительный перечень учеников в указе Сената в точности повторяет перечень, предложенный ими, в то время как Скорняков-Писарев ограничился лишь просьбой общего характера — о высылке детей в школы. Отметим этот любопытный факт: в роли инициаторов важных изменений выступили юные выпускники Московской школы навигацких наук, сами недавние школьники.

В этом указе Сената 1720 г. содержалась и ценная информация о поданных в Сенат челобитных посадских людей, чьих детей полугодом ранее Сенат включил в число учащихся, подлежащих обучению в школах. Прочитируем этот текст полностью, но частями, чтобы лучше прокомментировать его: «явилось челобитие в Сенат от посадских людей, а именно: от каргопольцев, устюжан, вологжан, калужан и других городов, что де в помянутые школы принуждают их высылкою детей их из Каргополя в Новгород. А с Устюга на Вологду, а из Калуги к Москве и в том держат из них многих в тюрьмах и за караулом...».

Эта информация представляет для нас большую источниковую ценность. Во-первых, можно говорить о том, что предшествующий указ Сената от 6 ноября 1719 г. начал действовать, детей посадских людей местные власти стали забирать для обучения арифметике. Во-вторых, из-за редкой сети школ дети пересылались на далекие расстояния: от Каргополя до Новгорода по современным меркам насчитывается 719 км, от Великого Устюга до Вологды — 446 км, от Калуги до Москвы — 182 км. В-третьих, дети забирались от родителей насильно, вопреки их воле и, видимо, грубыми методами. Из-за угрозы побегов детей держали за караулом, вероятно, пойманных в бегах помещали в тюрьмы.

Посадские люди подробно обосновывали причины освобождения их детей от обязательного школьного обучения: «а дети де их от 10 до 15 лет обучаются купечеству, вступают в торговые промыслы, и сидят в рядах за товарами, и ныне де многие из них с отцами и с братьями и с свойственниками и с товарищами в отъездах для торгов в дальних городах». В челобитной расписывались и отрицательные последствия нововведения властей для посадских людей: «А с торговых де промыслов отцы их платят таможенные пошлины и всякие подати, и службы служат, и ежели детей из купецких людей повелено будет брать в те школы, то они от торгов и от промыслов своих вовсе отстанут, и обучиться уже им впредь торговому промыслу будет невозможно, а вышеписанной де науки многие из детей их обучаются и собою».

В своих челобитных посадские просили: «И чтобы Великий Государь пожаловал их, не велеть в вышеобъявленные школы с посаду детей их иметь, дабы от того в положенных на них податях и в сборах таможенных пошлин умаления не было, а и бы от того в разорении не быть». Сенат счел жалобы посадских вполне справедливыми и ради их удовлетворения вынужден был отказаться от своего предшествующего решения, оформленного указом от 6 ноября 1719 г.

Примечательно, что постановляющая часть указа начиналась не с этого. Вначале давался текст определения, касающегося управления цифирными школами: «И по государеву указу в Сенате определено: помянутых школ учителей и учеников ведать впредь во всем в Адмиралтейской коллегии, <...> быть под ведением и смотрением полковника и от бомбардир-капитана Скорнякова-Писарева». Мотивировалось это решение тем, что из этой коллегии посылались в цифирные школы учителя, а полковник ведал школой, в которой эти будущие учителя обучались.

Но, по-видимому, Сенат хотел избавиться от ведения этих школ в связи с подачей челобитных то от учителей, то от посадских людей, необходимостью вникать в них, принимать решения: по одним челобитным вводить новые нормы, а по другим — отменять их. У Сената было много других важных полномочий, и передача управления цифирными школами Адмиралтейской коллегии выглядела вполне уместной.

Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось по указам этой коллегии за учителями смотреть «накрепко, чтоб в том учении они учителя чинили прилежание, и ученикам в принятии и в учении их продолжения и обид и налогов никаких никому по прихотям своим отнюдь не чинили». Подтверждалось: школы должны открываться при архиерейских домах, где их нет — в монастырях, «чтоб те ученики для училища дома себе имели в близости, а не в дальнем расстоянии». В этих предписаниях Сената видится отзвук челобитной посадских людей — это попытка предупредить повторное возникновение неприятных ситуаций. Но вряд ли местные власти могли приблизить места открытия школ к месту жительства учеников — при огромных пространствах губерний и ограниченном числе посылаемых учителей, отсутствии свободных помещений, возложении финансирования школ на них — эти нормы должны были оставаться скорее пожеланиями со стороны Сената.

Только после изложения этих предписаний были сформулированы новые важные положения, ради которых и писался указ: «А посадских людей детей <...> к той науке высылкою их в неделю (ошибка, должно быть «в неволю». — А. С., О. К.) к той науке не понуждать». Сенат коротко повторил мотивы такого решения, взятые из челобитной посадских людей: «и в том отцам их и свойственникам убытков и утеснения не чинить <...> по тому что дети их в такие лета приходят в купеческое состояние, и чтоб от того как в торгах и в промыслах их, так и в сборе с них таможенных и всяких государевых податей не было повреждения». Позволялось принимать в школы «из посадских детей таких, которые сами собою к той науке охоту возымеют». Сенат оговаривался, что от этого школы не пострадают: и из других чинов «обретатися учеников будет довольное число».

Указом Сената от 9 января 1721 г. подтверждалась передача цифирных школ в ведение Адмиралтейской коллегии и отмечалось, что о том указы в саму коллегию, в губернии и провинции отправлены [ПСЗ-1, т. 6, № 3703]. При этом высший орган управления констатировал, что Скорняков-Писарев по-прежнему подал доношение в Сенат: «писали де к нему из Московской школы учителя, что по присылке прошлых и 1720 годов из губернской канцелярии во учении их обретается учеников всяких чинов людей 70 человек, а других провинций из городов к ним учеников никого не прислано, а в иных губерниях и провинциях же обретается учеников малое число». Поэтому Скорняков-Писарев просил Сенат разослать подтвердительные указы о высылке учеников в губернии и провинции. Сенат приговорил: о высылке учеников «разсмотрение и указ учинить в Адмиралтейской коллегии», поскольку в 1720 г. те школы переданы в ее ведение и впредь Скорнякову-Писареву требовать указы из коллегии, а в Сенат доношений не подавать. В губернии же и провинции приказывалось послать «подтвердительные печатные указы», чтобы впредь поступали по указам Адмиралтейской коллегии.

Непосредственное отношение к цифирным школам имели «высочайшие резолюции на докладные пункты Синода» от 19 ноября 1721 г., хотя в названии документа о них и не упоминалось [Там же, № 3854]. Из 25 пунктов этого доклада один, 10-й, касался обучения детей духовенства. Синод просил высочайшей санкции об избавлении их от приема в цифирные школы: «О поповских и причетнических детях, по прежним указам в арифметическия школы и к прочим светским наукам спрашиваемых, требуется определение, дабы им от оных быть свободным, понеже по Духовному регламенту определено таких церковнических детей учить в архиерейских школах». Петр I своей резолюцией повелел: «Быть так».

Указом Синода от 31 мая 1722 г. «О воспитании детей духовнаго звания в школах при домах архиерейских» [Там же, № 4021] предписывалось: «Протопопских, поповых, диаконовых и причетнических детей <...> учить словеснаго чтения и писания в архиерейских школах, как в Духовном регламенте показано, а к светским наукам, которые светскими командиры спрашиваются, не отдавать». Синод отмечал, что хотя прежними указами 1714, 1716 и 1720 гг. до появления Синода в арифметические школы эти дети и спрашивались, но по Духовному регламенту они должны были учиться в архиерейских школах и об этом сказано

в резолюции Е. И. В. 19 ноября 1721 г. на докладные пункты Синода. При этом Синод ссылался и на утвержденное императором 4 апреля 1722 г. мнение Сената о том, что детей протопопов, попов и дьяконов, действительно служащих у церквей, уволенных от уплаты подушной подати, «учить в школах и производить на убыль места в попы и во диаконы» [см.: ПСЗ-1, т. 6, № 3932]. Отмечалось, что Духовным регламентом тех, кто в архиерейских школах учиться не будет, в священнический чин поставлять епископам «жестoko запрещено». Синод предписывал: «объявить коемуждо архиерею во всей своей епархии церковникам указами, дабы они знали, что дети их от вышеозначенных арифметических школ и прочих светских наук, вышеобъявленным Его Императорскаго Величества именным указом, по докладным Синодским пунктам, свободны учинены» [Там же, № 4021].

8 октября 1722 г. Сенат своим коротким указом, состоявшим из одного развернутого предложения [Там же, № 4105], ссылаясь на высочайше утвержденные докладные пункты Синода 1721 г., приказал: «детей действительно служащих попов и церковных причетников, годных в школу, по Духовному регламенту учить в архиерейских школах, а в арифметические школы и к прочим светским наукам не спрашивать».

Но, судя по указу Синода от 30 ноября 1722 г., эти предписания на местах не везде исполнялись, и высшему органу управления церквами и монастырями пришлось издать еще один специальный указ «Об обучении церковнических детей и о невзятии от дел синодальных подьячих» [Там же, № 4126]. В нем подробно излагались высочайшая резолюция на докладные пункты Синода 1721 г., указ Синода от 31 мая 1722 г., далее сообщалось, что 22 октября 1722 г. в Синод поступило доношение Иосифа, архимандрита Переяславля Залесского Никитского монастыря. Он писал: 3 октября прислан указ из Канцелярии воеводского правления города Переяславля Залесского, требующий учителю Якову Степанову отвести, «где надлежит», помещение для школы, чтобы учить цифири и части геометрии дьячих, подьяческих, церковничьих и монастырских слуг детей. Архимандрит жаловался: «также де Переславской десятины всех церквей попов и дьяконов, и всякаго церковнаго причета людей, в поставке детей их ради обучения во оную школу таскают непрестанно».

Синод не мог не отреагировать на продолжавшиеся попытки местных светских властей забирать детей своего ведомства в цифирные школы. Указом Синода от 30 ноября 1722 г. предписывалось: «принуждаемых к навигацким наукам поповых, дьяконовых и причетнических детей ко обучению цифири и геометрии, как губернаторам и воеводам, так и посланным в губернии и провинции навигацких наук учителям силою не принуждать и синодальным управителям [их] не отдавать, также и оных церковников, в поставке тех своих детей во оныя навигацкия школы к светским командам, тем командирам отнюдь не имать, и духовным управителям в том их оберегать; а учить оных церковнических детей в школах же архиерейских».

Констатировалось, что требование учителя «светской команды» детей духовенства в цифирную школу «не малую наносит обиду» церковному чину,

как и требование предоставить подъячих синодального ведомства к переписи населения, проводимой светскими учреждениями. Поэтому Синод постановил: «требовать надлежащей сатисфакции, дабы и другие таковые синодской команды таких напрасно обид не чинили, сообщить в Правительствующий Сенат ведение».

31 октября 1726 г. из Верховного Тайного Совета был объявлен именной указ, опубликованный в ПСЗ под названием «О соединении духовных и гражданских школ под ведение Синода» [ПСЗ-1, т. 7, № 4975]. В преамбуле указа имеется ценная информация в отношении цифирных школ за предыдущие годы их деятельности. Приводятся данные из доношения Адмиралтейской коллегии, послужившего поводом к изданию указа. Коллегия сообщала: из губерний и провинций «рапортами объявили», что в цифирных школах с начала их деятельности по 1722 г. было учеников в присылке 1389 человек, «из того числа выучено 93 человека, а за тем оставшиеся едва не все синодальной команды бежали». Сообщается, что Адмиралтейская коллегия доношениями в Синод в 1721–1722 гг. требовала выслать детей духовенства в арифметические школы, на что Синод указами от 22 июля 1721 г. и 17 августа 1722 г. объявил: эти дети подлежат обучению в семинарии Санкт-Петербурга и архиерейских школах, которые учреждаются по именованному указу и Духовному регламенту. При том в семинарии же «и арифметическое и геометрическое учение <...> будет, и для того оных церковничьих детей в арифметическое учение отдавать *и в архиерейских домах и в монастырях школ отводить не велено*» (курсив наш. — А. С., О. К.). Последнее утверждение Синода явно противоречило действительности: таких норм ни в каких законодательных актах, как и в названных указах самого Синода не содержалось.

Руководство Адмиралтейской коллегии не успокоилось, и, судя по информации, содержащейся в указе, решило в спорах с духовным ведомством о составе учащихся школ и, более того, передаче арифметических школ самому духовному ведомству заручиться поддержкой императора: 8 мая 1723 г. Петр I, «будучи в Адмиралтейской коллегии, по докладной о том выписке, указал в губерниях и провинциях помянутым школам где в ведении быть и приказнаго числа церковниковых и монастырских слуг детей для онаго арифметического и геометрического учения при тех ли школах иметь или в семинарии и при архиерейских домах в школах обучать, о том определение учинить в Правительствующем Сенате» [Там же].

Наличие этой информации — достоверное свидетельство того, что Адмиралтейская коллегия не только продолжала иметь виды на детей духовенства в качестве учащихся цифирных школ, но и, более того, пыталась передать эти школы с объединенным составом учеников под управление духовного ведомства. Император же от решения этого вопроса уклонился, переадресовав его Сенату.

Как сообщала далее Адмиралтейская коллегия, Сенат решать проблему тоже не собирался: от коллегии в Сенат «доношениями требовано неоднократно», но до февраля 1726 г. «указу не получили». Именным же указом из Верховного Тайного Совета от 19 февраля 1726 г. Сенату предписывалось иметь сношения с тремя коллегиями, в том числе и Адмиралтейской, промемориями. Поэтому

все доношения, поданные ранее в Сенат, были адмиралтейскому ведомству возвращены.

Не добившись решения от Сената, руководство Адмиралтейской коллегии представило Екатерине I: не повелено ли будет именным указом «для учения объявленных чинов людей детей школам и в оных обретающихся учителям и ученикам быть в ведении Правительствующаго Синода и соединить те школы со учреждающимися <...> семинариею и школами», открываемыми по Духовному регламенту [ПСЗ-1, т. 7, № 4975].

Мотивы такого объединения Адмиралтейская коллегия формулировала так: «понеже как означенные ученики, так и школы, едва не все духовнаго же правительства; токмо, из оных приказнаго чина гражданского правления и оных не довольное число, да и жалованием учителя и школы и инструментами содержаться имеют быть одним окладом, а не двойная на то сумма исходить будет». Если цифирные школы «иметь особливо», придется отводить помещения для них в мещанских и других домах, и «то им не без тягости», если же строить новые здания, то «интересу В. И. В. не без убытку ж приключится может». Кроме того, «за неимением приказнаго чина и за отбытием <...> из арифметических школ церковничьих детей <...> в тех школах учеников обретається малое число, в которых и учителям быть не у чего».

Доводы Адмиралтейской коллегии были учтены. Именным указом из Верховного Тайного Совета от 31 октября 1726 г. объявлялось «о соединении <...> для учения приказных и прочих чинов людей школ с учреждающимися от Синода семинариею и школами и о бытии обретающимися в оных школах учителям и ученикам в ведении Синодском, по представлению Адмиралтейской коллегии» [Там же].

Но объединение школ цифирных и архиерейских под ведением Синода ни к чему хорошему не привело, Синод заниматься школами цифирными никакого интереса не имел. Прекратилась даже выдача жалованья их учителям, что констатировалось именным указом, объявленным из Сената 21 июня 1731 г. «О произвождении жалования учителям цифирных школ и об оставлении оных школ по прежнему в ведомстве Адмиралтейской коллегии» [ПСЗ-1, т. 8, № 5788]. Этим указом предписывалось: «определенным в губерниях цифирных школ учителям, кормовая деньга по указу 1714 года, *на которые годы дачи им не было* (курсив наш. — А. С., О. К.), выдать и впредь давать из неположенных в штат доходов по ассигнациям Штатс-Конторы».

Верховная власть потребовала немедленно прислать в Сенат ведомости из губерний и провинций, указать: «с начала оных школ сколько человек и каким наукам и в какое время обучились, из того числа сколько куда употреблено, ныне на лицо и с которых годов учатся и до каких наук произошли». Между тем еще именным указом от 31 января 1724 г. предписывалось о всех обучающихся в школах «командующим ими в Сенат рапортовать в каждом году дважды» — в январе и июле, «кто в каких науках и с котораго времени обучаются и какие науки произошли» [см.: ПСЗ-1, т. 7, № 4447]. Но в данном случае сведения требовались более основательные — за все годы деятельности цифирных школ.

И в заключение именованным указом предписывалось: цифирным школам быть «во всем под ведомством Адмиралтейской коллегии» в соответствии с прежним указом Сената от 31 января 1721 г. «и о состоянии их в Сенат рапортовать». Между тем, еще указом Сената от 30 апреля 1720 г. было принято решение: «помянутых школ учителей и учеников ведать впредь во всем в Адмиралтейской коллегии» [см.: ПСЗ-1, т. 6, № 3575]. Поэтому в данном случае упоминался еще один подтвердительный указ Сената, но его текст отсутствует в ПСЗ.

По данным Т. Г. Фруменковой, некоторые учителя цифирных школ начали посылать отчеты об обучении детей в Синод [Фруменкова, с. 140]. Адмиралтейская коллегия, чтобы предоставить сведения Сенату о цифирных школах за весь период их деятельности, вынуждена была обратиться к Синоду, за которым школы числились с октября 1726 по июнь 1731 г., но ответа так и не получила. Коллегия повторяла свои запросы в 1733, 1734 и 1738 гг., в последнем запросе оговаривала, что «об отдаче означенных школ требует» императрица и эти сведения необходимы, чтобы «за невыдачею оных не причтено было коллегии в несмотрение». Лишь в августе 1739 г. Синод сообщил коллегии, что «в школах духовного ведомства детей “приказных и протчих чинов людей”, обучаемых цифирным наукам, не значится. Не получив резолюции Верховного Тайного Совета, Синод будто бы действовать не мог и цифирные школы не были приняты в управление Синода» [Там же, с. 140–141].

Начиная с 1731 г., на протяжении 13 лет, регулированием деятельности цифирных школ верховная власть не занималась, о них не издавалось никаких актов. Только указом Сената от 26 октября 1744 г. в организацию цифирных школ были внесены большие изменения [ПСЗ-1, т. 12, № 9054]. Поводом к его изданию послужило доношение Адмиралтейской коллегии в Сенат, выписки из которого приведены в преамбуле указа. Адмиралтейское ведомство сообщало: из 47 учителей, посланных им в губернии и провинции, за неимением учеников из приказного чина и посадских людей, 18 возвратились, на местах осталось еще 29 учителей.

Эти данные об общей численности посланных на места учителей в нашей литературе не увязывались с количеством открываемых школ. Между тем они дают основание полагать, что власти намеревались открыть в губерниях России по меньшей мере 47 цифирных школ — ведь на каждую школу полагался один учитель.

В указе Сената 1744 г. приводились данные из доношения Адмиралтейской коллегии о количественном и социальном составе учащихся гарнизонных и цифирных школ, в которых преподавали разосланные из Адмиралтейства учителя. В Смоленской гарнизонной школе из 75 учеников дворянских детей было 5 человек, «служилых чинов» — 72, подъяческий — 1; в Казанской гарнизонной все 484 ученика были офицерскими и солдатскими детьми. В Новгородской же цифирной из 56 учеников 54 были детьми солдат, причем получающими жалованье на основе указа от 7 августа 1735 г., «из дворян архиерейских» числились двое.

Далее приводились данные о «губернских и провинциальных школах», в которых дети обучались на своем пропитании. Ясно, что в данном случае речь

могла идти только о цифирных школах. В Белгородской подьяческих числилось 2 человека, в Костромской наряду с 35 детьми дворян училось двое детей солдат, всего 37; в Юрьеве Польском — 18 детей дворян; в Свяжске — из 18 учеников дворянских было 10, солдатских 3, приказного чина 5; в Твери — «дворянских, офицерских и драгунских» обучалось 16 человек. Подводились итоги: итого солдатских детей 5, шляхетских, офицерских и унтер-офицерских 79, подьяческих 7, всего 91.

Адмиралтейская коллегия констатировала в своем доношении, что во всех перечисленных школах, гарнизонных и цифирных, бывшие навигаторы обучали 709 учеников, причем среди них не числилось ни одного из детей посадских людей, подьяческих имелось всего 8 человек, для детей солдат открыты гарнизонные школы. Исходя из этого, коллегия и представила Сенату, «что оным учителям, за неимением из дьячьих и подьяческих детей учеников, и быть не у чего».

В Московской губернской канцелярии была запрошена справка, как двое учителей, отправленных Адмиралтейской коллегией в цифирные школы, оказались в гарнизонной. Оказалось, что присланные в 1716 г. «для обучения дьячьих и подьяческих и других чинов людей детей» двое учителей в 1726 г. с 10 имевшимися при них учениками были отосланы в Канцелярию Московскаго гарнизона для обучения драгунских и солдатских детей, «которые и поныне имеются при той гарнизонной школе», но детей подьячих и других чинов у них нет. Обратим внимание, Московская гарнизонная школа и ее учащиеся не фигурировали среди вышеназванных школ с 709 учениками, а ведь эти учителя тоже были из навигаторов. Вполне возможно, и подсчеты, произведенные Адмиралтейской коллегией, не вполне полны. Кстати, и в результативной части указа упоминалось о доношении из Галицкой провинциальной канцелярии, поступившем в Сенат в марте 1744 г., в котором сообщалось, что «бывший в той провинции цифирной школы учитель Григорий Корсаков, за малоимением учеников, с 734 года почти был праздно», и для дальнейшего определения прислан в Москву, в Сенат. Т. е. немного учеников он все-таки обучал.

Если Адмиралтейская коллегия хотела бы вообще избавиться от ответственности за цифирные школы путем их закрытия, то Сенат своим указом от 26 октября 1744 г. подошел к решению их судьбы более ответственно. Предписывалось: в губерниях и провинциях, в которых имеются как арифметические, так и гарнизонные школы, арифметические «соединить» с гарнизонными, «как и в Москве учинено, и обучать оным учителям как солдатских и прочих служилых чинов людей, так и подьяческих и прочих желающих всякаго звания чинов людей на собственном их коште». Этим школам быть в ведении обер-комендантов и комендантов, которым о детях служилых чинов рапортовать по-прежнему в Военную коллегию, а о прочих сообщать губернаторам и воеводам, а им — в Сенат два раза в год.

В губерниях же, где гарнизонных школ нет, «а учителя, посланные от Адмиралтейства, имеются» — «в Новгородской губернии и в провинциях в Костромской, в Юрьеве-Польском, в Свяжску, в Тверской, також и в прочих губерниях и провинциях», где учителя от Адмиралтейства имеются, предписывалось обучать детей дьячьих, подьяческих «и прочих желающих всякаго звания людей <...>

на их коште». Детей же служилых чинов отсылать по указу 1735 г. для обучения в близлежащие гарнизонные школы.

За отсутствием же близлежащих гарнизонных школ солдатских детей предписывалось учить в арифметических. Рапортовать об их числе, возрасте и предметах обучения «для надлежащего об них определения» в Военную коллегию или куда от нее определено будет. Таким детям полагалось казенное пропитание, для сверхкомплектных — выделение средств Штатс-конторой [см.: Сафронова, Кравченко, с. 195]. Об учениках цифирных школ приказывалось прислать в Сенат ведомости «немедленно», впредь же посылать полугодовые рапорты. Учителям арифметических школ жалованье (36 руб. в год) полагалось по-прежнему платить из губернских и воеводских канцелярий, из неположенных в штат доходов.

Ясно, что этот указ несколько изменил состав учащихся гарнизонных школ, к которым присоединялись арифметические, в то же время позволил солдатским детям, проживавшим вдали от гарнизонных школ, обучаться в близлежащих арифметических школах. Учителям арифметических школ, посланным от Адмиралтейства, предписывалось «быть под ведомством губернаторов и воевод», обучать детей дьячьих, подьяческих и прочих желающих на их коште, «и в том губернаторам и воеводам иметь за ними крепкое смотрение, чтоб оные учителя праздно без дела не были, и напрасно жалованье не получали».

Таким образом, неправомерно толковать указ Сената 1744 г. как нормативный акт, положивший конец цифирным (арифметическим) школам в России. Да, судя по названию указа — «О соединении в губерниях и провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место...» — они объединялись, но это объединение касалось лишь тех местностей, где школы действовали параллельно; там же, где гарнизонных школ не было, арифметические школы продолжали действовать и на санкционированном Сенатом основании могли обучать детей служилых людей, подлежащих по законам того времени приему в гарнизонные школы. Существенным изменением в их деятельности стало изъятие их из ведения Адмиралтейской коллегии и передача контроля за ними в руки губернаторов и воевод.

Анализ нормативных актов, затрагивающих организацию цифирных школ, позволяет утверждать, что Петр I уделял их регламентации наибольшее внимание: в форме кратких именных указов были решены вопросы программы обучения, кадров учителей, их жалованья, социального состава учащихся, размещения школ. Все последующие указы, за исключением одного, 1731 г., издавались в связи с поступлением доношений ответственного за школы Г. Скорнякова-Писарева, Адмиралтейской коллегии, учителей, челобитной посадских людей.

Наибольшему изменению подвергались нормы о социальном составе учащихся: первым указом 1714 г. подлежали обучению в них дети дворян и приказных, в 1716 г. были исключены дети дворян, в 1721 г. — дети посадских людей и духовенства, в 1744 г. в них разрешили обучать детей солдат. Изменялись и нормы, касавшиеся управления школами. Первоначально ими занимался Сенат: ему адресовались именные указы 1714–1715 гг. о рассылке учителей по губерниям, доношения Скорнякова-Писарева, учителей, посадских людей. В 1721 г. Сенат поручил заведывание школами Адмиралтейской коллегии, которая поднимала

вопрос перед императором, Сенатом о передаче их Синоду, но безуспешно. Только в 1726 г. верховная власть пошла навстречу и вручила руководство школами Синоду. Но поскольку духовное ведомство ими не занималось, в 1731 г. пришлось вернуть их Адмиралтейской коллегии, в 1744 г. — передать под контроль губернаторов и воевод. Отсутствие заинтересованного в деятельности цифирных школ ведомства, редкая сеть школ и, как следствие, большая удаленность их от места жительства потенциальных учащихся, изъятие из состава учеников одного сословия за другим и привели к сокращению как сети школ, так и числа учащихся в них. Но, несмотря на это, они сыграли определенную роль в распространении основ математических знаний среди молодого поколения россиян.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорской академией наук / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1888. Т. 4. [Doklady i prigovory, sostojavshiesja v pravitel'stvujushhem Senate v carstvovanie Petra Velikogo, izdannye Imperatorskoj akademiej nauk / pod red. N. V. Kalachova. SPb., 1888. T. 4.]

ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. [PSZ. Sobr. 1. SPb., 1830.]

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург, 2014. С. 173–197. [Safronova A. M., Kravchenko O. S. Zakonodatel'nye i normativnye акты o garnizonnyh shkolah Rossii XVIII v. // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Вып. 14. Ekaterinburg, 2014. S. 173–197.]

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 8. Т. 15–16. [Solov'ev S. M. Istorija Rossii s drevnejshih времен. М., 1993. Кн. 8. Т. 15–16.]

Фруменкова Т. Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII в. // Вопр. истории. 2007. № 3. С. 136–143. [Frumenkova T. G. Cifirnye i arhierejskie shkoly pervoj treti XVIII v. // Vopr. istorii. 2007. № 3. S. 136–143.]

Статья поступила в редакцию 02.12.2014 г.